

АП. ГРИГОРЬЕВ О ПУШКИНЕ

Почти у всех ведущих критиков и публицистов XIX века можно усмотреть в методе преобладание определенного отношения к действительности: или все явления (жизни и искусства) рассматриваются с точки зрения *настоящего*, т. е. с точки зрения значимости, важности явления для современности, или они оцениваются в сопоставлении с *идеалом*, который находится в *прошлом* или *будущем*. В любом случае к явлению в большей или меньшей степени подходили нормативно (теоретически можно предположить, что принцип настоящего наиболее историчен, т. е. наименее нормативен, но практически и этот принцип не исключал нормативной оценки).

Белинский в разные периоды склонялся к разным методам, но в последние годы своей жизни (1846—1848) он представляет наглядный пример защитника первого принципа (т. е. акцент на настоящем)¹.

Чернышевский и Добролюбов, продолжая ту же линию, постепенно все больше переходили к идеалу будущего, и самое настоящее постепенно стало ими оцениваться с точки зрения идеала. Наиболее наглядно принцип будущего как главная мера звучит в публицистике Салтыкова-Щедрина: «Золотой век не назади, а впереди нас», — сказал один из лучших людей нашего времени... человек так уж устроен, что ему непременно хочется золотого века». И еще: «Не погрязайте в подробностях настоящего... но воспитывайте в себе идеалы будущего»².

¹ Это превосходно показано в новейшей работе: Р. П. Шагинян, Проблема романтизма у Белинского, «Труды Самаркандского гос. университета», вып. 153, 1964, стр. 51—196. Автор терминологически сформулировал эволюцию позднего Белинского как переход от «пушкинцентризма» к «гоголецентризму».

² М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч. в 20 тт., т. 7, М.—Л., 1935, стр. 471; т. 17, 1934, стр. 99 («Один из лучших людей...» — Пьер Леру)

Ап. Григорьев совершил серьезную эволюцию как литературный критик и публицист³. К концу сороковых годов в результате долгих поисков он приходит тоже к «гоголецентризму», считая Гоголя вершиной современной русской литературы, но приходит иначе, чем Белинский (хотя влияние Белинского и «натуральной школы» в этом пути к Гоголю документально подтверждается). Все-таки если у Белинского главный акцент был на «натуральности», быте, современности, то для Григорьева главное в Гоголе моральный пафос, борьба за «особность» личности, за ее собранность, интенсивность жизни — против банальной серости, «легиона», распушенности. И чем дальше, тем больше будет осуждать Григорьев Белинского и «натуральную» школу за «жертву» настоящему, усматривая в этом следование гегелевскому детерминизму: Григорьев считал, что принцип всеобщей обусловленности явлений приводит к фатализму, к переносу ответственности за поведение и характер человека на среду, общество, следовательно — приводит к аморализму, ибо мораль возможна лишь при личной ответственности и при свободе выбора поступков.

Показателен такой пример. Гегель любил цитировать латинскую поговорку «*Hic Rhodos, hic salta*» (здесь Родос — здесь и прыгай; взято из латинского перевода басни Эзопа о пятиборце, который хвастался, что в Родосе он совершил громадный прыжок; слушатель предлагает повторить прыжок: пусть тебе будет здесь Родос), Григорьев также любил ее повторять, как выражение гегелевского метода. Но если для Гегеля смысл пословицы заключался в положительном пафосе настоящего (необходимо не фантазировать о желаемом или должном, а изучать то, что дает действительность), то для Григорьева она звучит негативно, как призыв к искусственной, насильственной остановке непрерывно движущегося потока жизни.

Григорьев отвергает настоящее как норму и противопоставляет ему идеал, понимаемый как этический кодекс христианской морали; ближе всего приближается к идеалу творчество Гоголя.

В «московитянинский» период (первая половина 1850-х гг.) Григорьев — защитник «патриархальной» народности, поэтому Гоголь с его максималистскими христианскими идеалами, недостижимыми, оторванными от реальной действительности, от народа, становится как бы пройденным этапом, а «вершиной» объявляется творчество Островского. В это время Григорьев ближе всего подходит к пафосу настоящего.

К 1857—1858 гг. критик убеждается в односторонности

³ Подробнее см. в моей вступительной статье в кн. А. Григорьев, Литературная критика, М., 1967, стр. 3—39.

«москвитянинского» периода из-за приглушения личного и активного начал в жизни; теперь критик отмечает в русском национальном характере две силы: «осаживающую» (наиболее ярко выражено в пушкинском Белкине и в лермонтовском Максиме Максимыче) и «стремительную» (Германн, Печорин). Первым раскрыл эти обе силы, подчеркивает Григорьев, — Пушкин. Пушкин как бы гармонически сочетал в своем характере и художественном мышлении оба начала, поэтому «Пушкин — наше все».

И именно Пушкин и его творчество становятся теперь для Григорьева этической и эстетической вехой, вершиной, по которой меряется вся русская литература, вся современная жизнь⁴. Крупнейшие циклы статей Григорьева уже в заглавиях отражают этот метод: «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859), «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина» (1861). Точно также и все современные женские образы в творчестве Герцена, Островского, Тургенева, Гончарова будут соизмеряться с пушкинской Татьяной, как с идеалом.

Естественно, что все современные писатели, даже крупнейшие, оказываются не достигшими вершинной гармонии. Например, в письмах к Н. Н. Страхову 1861 г. Григорьев несколько раз подчеркнул ограниченность своего бывшего кумира А. Н. Островского: «полное и цельное сочетание стихий великого народного духа было только в Пушкине, ...могучую односторонность исключительно народного, пожалуй земского, что скажется в Островском, должно умерять сочетание других, тревожных, пожалуй бродячих, но столь же существенных элементов народного духа в ком-либо другом»; «единственный коновод надежный и столбовой — это все-таки Островский. В нем только нет к сожалению примеси африканской крови к нашей великорусской»⁵.

С начала 1861 года Григорьев сближается с братьями Достоевскими и становится постоянным сотрудником их журнала «Время». Идеалы Ф. М. Достоевского этой поры оказались частично похожими на те концепции, которые Григорьев развивал уже два года назад, особенно — в цикле статей о Тургеневе: стремление к синтезу передовой интеллигенции с отсталым народом, с «почвой». Собственно говоря, к подобным идеям Достоевский подходил еще будучи в ссылке, но более четко они у него сформировались во «Времени». Первый номер журнала, начавшего выходить с января 1861 года, включал программную статью Достоевского «Ряд статей о русской

⁴ Ср. у Пастернака: Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

⁵ «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии», Пг., 1917, стр. 281, 284.

литературе. Введение». Именно здесь были сформулированы главные принципы «почвенничества», как его понимал Достоевский: Россия отличается от европейских стран меньшими сословными и личными раздорами, большей цельностью, «всеприимностью и всечеловечностью»; наиболее гармонично это выражено в «явлении Пушкина»; главная задача современности — дальнейшее единение; прежде всего необходимо просвещение народа. Как видно, почти все эти идеи уже были высказаны Григорьевым; своеобразие Достоевского заключается, пожалуй, лишь в подчеркивании просвещения для народа. Григорьев скорее был склонен «опускаться» передовую личность до уровня патриархального сознания, Достоевский, наоборот, ругает за «подъем» народа до высот европейской цивилизации. Несомненно, появление подобных идей в последующих статьях Григорьева во «Времени» — плод влияния Достоевского: «Из того, что народ доселе еще может... любоваться только суздальскими литографиями, петь только свои растительные песни, следует ли похерение в его развитии и для его последующего развития Пушкина, Брюллова, Глинки?.. Ведь до понимания искусства человек, при всей даровитости, — дорастает»⁶.

Взаимоотношения Достоевского и Григорьева не были идиллическими, несмотря на ряд общих принципов. Редактор журнала вначале (в 1861 году) более трезво смотрел на общественно-литературную ситуацию, был более радикален в своих воззрениях; он весьма сочувственно относился к «Современнику», несмотря на существенные разногласия, и, наоборот, — несочувственно к славянофильскому учению. Григорьева возмущало отношение Достоевского к «Современнику» и его непризнание исторической роли славянофильства; с другой стороны, сам Григорьев вызывал недовольство Достоевского своей абсолютной идеологической непрактичностью, увлечениями и крайностями. Парадокс заключался в том, что Достоевский вначале был более радикален в общем социально-политическом смысле, но Григорьев с его усиливающимся пафосом личного начала, с его романтическим бунтарством объективно оказывался часто «левее» Достоевского, тем более, что последний под влиянием обострения общественной борьбы, накала революционных страстей конца 1861—1862 годов стал заметно «праветь»⁷.

Бунтарство Григорьева, новый его лозунг — «Где поэзия,

⁶ «Время», 1862, № 7, отд. II, стр. 27.

⁷ Тема «Григорьев и Достоевский» чрезвычайно сложна и требует специального исследования. Появившаяся недавно статья С. Лаффит лишь конспективно ставит некоторые проблемы (см. S. Laffitte, Apollon Grigor'ev et Dostoevskij, «Revue des études slaves», t. 43, Paris, 1964, pp. 13—16).

там и протест»⁸ заметно отразились на оценке Пушкина. «Главную силу» Пушкина критик усматривает отныне в произведениях, «на которых как нельзя более очевидно присутствие протеста»: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Евгений Онегин», «Полтава», «Каменный гость», «Дубровский»⁹.

Характерно, что теперь у Григорьева нет «славянофильской» антитезы «смиранный народ — бунтующий интеллигентбарин»; в самой народной жизни он ищет бунтарства, упрекая, например, Л. Толстого за односторонность его положительного идеала, сводившегося в основном к изображению «смирного» русского человека, и противопоставляя Толстому Островского, Кольцова, Некрасова, Достоевского, которые в народной жизни стремились найти «широкое», активное начало; Григорьев ждет от Л. Толстого большего внимания к «силе и страстности» народной стихии (недаром он упоминает Стеньку Разина как героя фольклорных песен и пушкинского Пугачева) и опять подчеркивает, что именно Пушкин видел в народном характере обе стороны и синтетически их изобразил, именно Пушкин наиболее глубоко в русской литературе отобразил народный характер¹⁰.

По-прежнему Пушкин остается недосягаемой вершиной. Григорьев горячо защищает его творчество от всех направлений и группировок, которые в условиях шестидесятых годов односторонне подходили к оценке пушкинского наследия. Показательна в этом отношении статья первая из обзора Григорьева «Граф Л. Толстой и его сочинения» («Время», 1862, № 1), полностью посвященная характеристике отношения русских журналов и газет к искусству вообще и к Пушкину в частности. Критик борется сразу на шести фронтах, последовательно полемизируя: с защитниками «чистого искусства» (прежде всего с А. В. Дружининым), «гастрономически» подходящими к Пушкину; со славянофилами, которые оценивали Пушкина с точки зрения «пуританской» морали; с революционными демократами «Современника» (они для Григорьева — «теоретики», кладущие искусство на прокрустово ложе утилитаристских целей); с «издыхающим» западничеством (главным образом, с либеральным критиком, сотрудником «Санктпетербургских ведомостей» Ю. Волковым, под псевдонимом Гымалэ, громившим Пушкина, Лермонтова и русский фольклор за «отсталость»); с лагерем «Отечественных записок», где С. С. Дудышкин, подходя к Пушкину с современными нормативами, отрицал его народность; наконец, с кат-

⁸ «Время», 1862, № 7, отд. II, стр. 9.

⁹ «Время», 1861, № 2, отд. II, стр. 103.

¹⁰ «Время», 1862, № 9, отд. II, стр. 26—27.

ковским «Русским вестником», равнодушным к судьбам родного искусства.

До последних дней своих Григорьев боролся за Пушкина.

Идеи критика оказали большое влияние на историко-литературные концепции его ученика Н. Н. Страхова и во многом определили отношение к Пушкину Достоевского, хотя впоследствии оба (и Достоевский, и Страхов) сведут на нет бунтарские идеи Григорьева и будут усиленно подчеркивать «смирение».

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968